

которых успешно работают в государственных структурах, на предприятиях, в банках и на фирмах, поддерживая связи с факультетом.

Нельзя сказать, что сегодня все проблемы специальности решены. До сих пор актуальной остается задача продвижения специальности «Документоведение» на рынок труда. К сожалению, само слово «документовед» часто вызывает у работодателей традиционные ассоциации с рутинным бумажным трудом, для выполнения которого достаточно знать ГОСТы и печатать на машинке. Чтобы разрушить этот стереотип, конечно, нужно время, но и определенные усилия со стороны факультета, в том числе рекламные акции. Одним из возможных вариантов преодоления стереотипов является позиционирование факультета и кафедры документационного и информационного обеспечения управления как одного из научных центров страны в данной области. Это доказывается подготовкой и изданием научных трудов по документоведению, проведением конференций и семинаров для специалистов, созданием структур повышения квалификации и т. д. В 2001–2003 гг. увидели свет три выпуска сборника научных трудов «Документ. Архив. История. Современность», где регулярно публикуются статьи по проблемам ДОУ. На кафедре ведется подготовка кандидатских работ по специальности «Документоведение».

С удовлетворением оглядываясь назад, мы вместе с тем осознаем, какая огромная работа предстоит в дальнейшем, чтобы наша специальность стабильно развивалась, соответствуя требованиям времени. И эта работа требует усилий не только кафедры документационного и информационного обеспечения, но и отделения архивоведения, документоведения и информационно-правового обеспечения управления, а также всего факультета в целом.

Л. Н. Мазур,

доцент кафедры документационного
и информационного обеспечения управления

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАУЧНОЕ ОБАЯНИЕ

К юбилею М. А. Поляковской

Юбилей Маргариты Адольфовны! Как-то неожиданно это. Зрелую молодость поступков и труда Поляковской трудно сопоставить с бронзовыми датами, и есть только одно странное ощущение: такой юбилей не бывает зря.

Приходят на ум несколько тезисов, которые тотчас же хочется разобрать, зная Маргариту Адольфовну. Тем более что именно сейчас, когда в последние два десятилетия наплодили диаграммно-схематических докторов гуманитарных наук, легкие факультеты и кафедры с квазипрестижными специальностями, такие тезисы необыкновенно актуальны. Прежде всего это традиция для России называть настоящими университетскими учеными тех, кто долго и эффективно руководит кафедрой, факультетом, научным направлением, укрепляя и приумножая базу, заложенную предшественниками. Тех, кто воспитал учеников, уверенно продолжающих традиции и методы твоей школы (и не важно, на ниве медиевистики или истории России), тех, чье преподавание и научная деятельность измеряются уровнем признания коллег, а не количеством зарубежных командировок.

Работа Поляковской в любой из этих ипостасей пластична. Говорим это к тому, что реализация подлинного гуманитаря всегда разнообразна. Маргарита Адольфовна руководила кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, блестяще ведет

научную и преподавательскую работу в одухотворенно-реалистической и человеческой манере, дающей пример щедрой самоотдачи. И даже статьи ее и книги, сами по себе целиком обращенные к человеку, пусть чаще всего к *homo byzantinus* высокого интеллектуального полета, – это не только плоть от плоти лучшей современной публицистичности, они пронизаны в первую очередь желанием поделиться своим видением тонких радужных нитей в ярком полотне византийской цивилизации, в способах изящного источникового анализа, унаследованных от учителя, Михаила Яковлевича Сюзюмова, и обогащенных собственным опытом.

Как ученый, Поляковская – византист уральской (сюзюмовской) школы. Как преподаватель, она сторонник классического российского университетского образования с его гуманным и фундаментальным содержанием. Как человек, она мягка, но в то же время настойчиво-требовательна. И в своем поведении, и в научных трудах она представляется нам внутренне романтичной, но романтика ее подчинена глубокой воле, воле к труду и желанию подарить его людям. Существенная черта ее как руководителя кафедры и как члена научной корпорации византинистского цеха – стремление к согласию, не исключающему дискуссию, к единству сюзюмовской школы в рамках единого российского византиноведения на основе самоуважения и признания человеческого и научного достоинства. В этом Маргарита

Адольфовна – достойная продолжательница Михаила Яковлевича.

Штудии Поляковской обладают для византиниста и просто для читателя, тяготеющего к познанию загадок Второго Рима, своей очевидностью. И дело не в объеме и разноплановости творчества, а в ясности мысли и прозрачной увлеченности Византией. Между тем именно вследствие всей этой очевидности, как оно и бывает в историографии, такие статьи возбуждают все новые и новые вопросы, заставляя обращаться к книгам, потребность в которых растет в геометрической прогрессии. Конечно, ни одна серьезная работа о Димитрии Кидонисе или Алексее Макремволите уже не обойдется без имени Поляковской. Как и анализ византийского быта, ромейской повседневности. Как и будоражащая проблема сословности, корпоративности византийского общества. Однако именно Поляковская (параллельно с А. П. Каждном) с пронзительной ясностью продемонстрировала, что категория *homo byzantinus* требует ныне своей стиливой конкретности. Послевоенные споры о континуитете, о социальных и художественных традициях в византийской сфере влияния (особенно в пронизанных аттицизмами XIII–XV вв.), споры, затихшие по ряду параметров и явлений, а по ряду – крайне обострившиеся в последнее время, только подчеркивают справедливость такого вывода. Как известно, проблемы истории и культуры России как преемницы многих идей и векторов поведения своей учительницы – православной Византии – обсуждаются на рубеже XX–XXI вв. очень напряженно. Подчеркнутый еще К. Леонтьевым и В. Соловьевым феномен российского «византизма» (кстати, о нем Маргарита Адольфовна тоже писала не раз) продолжает играть в мировой исторической и духовной жизни хоть и трансформировавшуюся, но доминирующую роль. Естественно желание конкретно исследовать этот феномен. Византинисты, русисты, советологи предлагают свои решения, порою весьма концептуальные; неизменные общие разговоры о «русской душе» и «византийской хитрости» все чаще сочетаются со стремлением вникнуть наконец в подробности вплетения в повседневность Второго Рима высоких богословских идей и вульгарных, присущих толпе порывов и на сей основе осуществить новый синтез. Работы Поляковской (в том

числе и представленные в главах второго и третьего тома академической «Культуры Византии») – одни из немногих, которые поднялись до современного уровня подобного синтеза. И как всякий подлинно глубокий научный труд, в котором полемическое начало абсолютно подчинено объективному, а изящная языковая форма предполагает максимальное удобство освоения, комплекс подобных штудий настолько пропитан классическим наследием лучших традиций российского (советского) византиноведения, что, отвергая ложную политизированность, опять-таки призывает учиться единению и согласию. В науке и в жизни – через доброжелательную полемику.

В этом, думается, главное, что заключено в Маргарите Адольфовне Поляковской.

А. С. Козлов, В. П. Степаненко

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ

Штрихи к научной биографии В. В. Эйдиновой

«...Как организован мир произведения? Как его строй оборачивается смыслом? Как его форме дается способность быть говорящей? <...> Как возникает удивительное превращение взгляда творца на мир в единственно возможный для него способ формирования мира художника? Эта тайна сплава формы-содержания в искусстве, их перелива, перехода, взаимопревращения заставляла снова и снова искать к ней ключи, снова и снова возвращаться к идее воплощения эстетического видения в его созданиях.

Так к автору пришло осознание стиля как основополагающего для искусства качества, ибо самостоятельная, утверждаемая произведением позиция тогда только получает значение явления искусства, когда находит собственную, адекватную ей форму, а значит – претворяется в этот художественный стиль». Приведенный фрагмент, открывающий монографию «Стиль художника» (М., 1991), исчерпывающе определяет не только главный сюжет исследований Виолы Викторовны Эйдиновой. Волнами набегающие предложения, складывающиеся в периоды, общая интонация чуткого вслушивания, вопросы и формулировки, настойчиво варьирующие оттенки основного смысла, передают самый ритм мысли, стремящейся объять свой предмет целиком и неотступно вникающей в его существо.

Научная биография Виолы Викторовны обладает редкой и наглядной целостностью. Начиная с кандидатской диссертации «Проза Э. Казакевича: лирическое начало в творчестве писателя» и заканчивая статьями последних лет, вся она посвящена развитию единой исходной научной интуиции о стиле художника как структурном законе, опосредующем процесс формообразования на всех его уровнях. Более 150 опубликованных Виолой Викторовной Эйдиновой научных работ по проблемам теории литературы, критики, русской литературы XX века разворачивают разные грани единой концепции – «структурно-пластического» понимания стиля. В сущности, В. В. Эйдиновой разрабатывается новый методологический подход к стилю и формируются принципы его изучения. На этих методологических основаниях строятся ее монографии: «Стиль писателя и литературная критика» (Красноярск, 1983); «Стиль художника. Концепции стиля в литературной критике 1920-х годов» (М., 1991), а также ряд основополагающих статей: «Анализ стиля в современной литературной